

РАЗРАБОТКА МЕТОДОЛОГИИ ГУМАНИТАРНОГО ПОЗНАНИЯ И ПРОБЛЕМА ДИАЛОГА В КОНЦЕПЦИИ М.М. БАХТИНА

В статье рассматриваются особенности методологии гуманитарного познания и концепции диалога М.М. Бахтина. Основой его философии является концепция «ответственного поступка», делающего человека причастным всему, что происходит в жизни и культуре. Другой ключевой проблемой концепции Бахтина является проблема чужой индивидуальности.

Ключевые слова: методология, «событие бытия», нравственный поступок, ответственность, «другой», личность, монололизация, полифония, диалог, культура.

Михаил Михайлович Бахтин (1895–1975) родился в г. Орле в семье, принадлежавшей к древнему дворянскому роду. Вместе с родителями он переехал сначала в Вильно, а затем в Одессу. После окончания Одесской гимназии в 1913 г. он поступил в Новороссийский университет (так назывался университет в Одессе) [27, с. 148], откуда перевелся в Петербургский университет на историко-филологический факультет. Там Бахтин обучался одновременно и на философском отделении. Окончив обучение в университете в 1918 г., Бахтин переезжает в Невель, где живет и работает до 1920 г. и где складывается «Невельская школа», то есть кружок единомышленников: М.М. Бахтин, М.И. Каган, Л.В. Пумпянский, М.В. Юдина, В.Н. Волошинов, Б.Н. Зубакин. Несколько позже, в Витебске, к ним примкнули П.Н. Медведев и И.И. Соллертинский. Деятельность этой школы, согласно К.Г. Исупову, продолжалась с 1918 по 1927 г. [8, с. 48–49] в виде встреч, обсуждений и дискуссий, чтения лекций по философии И. Канта и Г. Когена. С философией Г. Когена Бахтина познакомил М.И. Каган, учившийся у немецкого философа, и его идеи оказали сильное воздействие на Бахтина, о чем он вспоминал в конце жизни: «Это был замечательнейший философ, который на меня оказал огромное влияние, огромное» [27, с. 150].

В 1920 г. Бахтин уехал в Витебск, где жил до 1924 г. Н.К. Бонецкая отмечает, что невельский и особенно витебский периоды жизни Бахтина были одними из самых плодотворных [12, с. 97]. В невельско-витебский период заложены основы философии Бахтина, сформулированы ключевые его идеи, развивавшиеся затем на протяжении всей жизни и воплотившиеся во всех поздних трудах русского философа.

М.М. Бахтин является одним из тех философов, филологов и теоретиков культуры, идеи которых сегодня требуют осмысления в силу их важности, значимости и эвристичности. Особенно это касается его методологии гуманитарного познания, которую он разрабатывал в тот период, когда, мягко говоря, не приветствовалось обращение к идеям западных философов, на основе которых Бахтин создавал свою концепцию. Еще в юности он изучил труды Ницше, Кьеркегора, Канта на немецком языке. Об этом Бахтин вспоминает так: «Я очень рано начал заниматься самостоятельным мышлением и самостоятельным чтением серьезных философских книг. И первоначально я именно философией больше всего и увлекался, и литературой. Достоевского я знал уже с 11–12 лет. И несколько позже, с 12–13 лет, я уже начал читать серьезные классические философские книги, в частности Канта я очень рано знал. Его «Критику чистого разума» я очень рано начал читать... По-русски я читал только «Пролегомены»... Очень рано я познакомился, раньше кого бы то ни было в России, с Кьеркегором» [27, с. 150–151].

В 1924 г. Бахтин переезжает в Ленинград, где читает лекции о Канте и современной философии и литературе. Работает он с трудом, так как сказывается тяжелое заболевание (остеомиелит). Впоследствии в 1938 г. ему ампутируют ногу. В этот период друзья Бахтина Волошинов и Медведев издают книги, в написании которых Бахтин принимал самое живое участие: «Фрейдизм» (1927), «Марксизм и философия языка» (1929) В.Н. Волошинова, «Формальный метод в литературоведении» (1928) П.Н. Медведева. Но окончательно проблема авторства этих книг до сих пор не решена. В Ленинграде Бахтин живет и работает до 1929 г.,

когда его арестовали по обвинению в «нелегальном» чтении лекций о Канте и связи с религиозным кружком «Воскресение».

Из Кустаная (Казахстан), где Бахтин был в ссылке с 1930 г., он с помощью друзей переехал в 1936 г. в Саранск (столицу Мордовии) и стал преподавать в педагогическом институте. «М.М. Бахтин был принят преподавателем всеобщей литературы и методики преподавания литературы на кафедру литературы. Так началась трудовая деятельность Михаила Михайловича в Саранске. Ученый продолжал интенсивную научную работу. Документы показывают, что в это время он заканчивал работу над кандидатской диссертацией на тему «Стилистика романа» [17, с. 28]. Но уже в 1937 г. ему пришлось уехать в подмосковный город Савелов, так как в пединституте ревнители тогдашней идеологии обвинили его в «буржуазном объективизме» и это не сулило ничего хорошего. Только в 1945 г. он смог вернуться в Саранск. О поиске работы в Москве или Ленинграде Бахтин, как бывший ссыльный, не думает. На периферии безопаснее.

В 1946 г. Бахтин в Институте мировой литературы защищает кандидатскую диссертацию «Рабле в истории реализма». Некоторые ученые, присутствовавшие на защите и оценившие глубину мысли Бахтина, предложили присвоить ему докторскую степень, но предложение не прошло [12, с. 110]. С 60-х гг. имя Бахтина становится известным благодаря молодым сотрудникам Института мировой литературы В. Кожинуву, В. Турбину, С. Бочарову, Г. Гачеву, «открывшим» Бахтина. В период «оттепели» им удалось переиздать книгу Бахтина о Достоевском (1963) и опубликовать работу «Творчество Франсуа Рабле и народная культура средневековья и Ренессанса» (1965). Вслед за этим с середины 80-х гг. начался бурный всплеск популярности идей Бахтина на Западе: «Никому почти не известный тридцать лет назад кандидат филологических наук из Саранского пединститута (ныне университета), – пишет В.Л. Махлин, – сегодня осознается на Западе как крупнейший русский философ XX в. и, больше того, – в качестве ключевой (после Достоевского и Бердяева) фигуры русской духовно-идеологической культуры вообще» [21, с. 95]. С 1972 г. Бахтин живет в Москве, он много желает сделать, у него много замыслов, хотя можно представить, как ему было тяжело, ведь за год до этого не стало его жены. Жизнь прошла в болезнях, в трудностях, в пре-

одолении, однако он не жаловался на судьбу, так как творил, обладая великим творческим даром. В 1975 г. Бахтин скончался.

Л.А. Гогтишвили обращает наше внимание на то, что в мировоззрении М.М. Бахтина есть нечто общее с неокантианством, феноменологией, «философией жизни» В. Дильтея, экзистенциализмом, с персоналистической линией в русской философии, а также с герменевтикой (М. Хайдеггер, Х.-Г. Гадамер) [16, с. 116]. Вместе с тем, как отмечает Е.А. Богатырева, «...антропологическая проблематика в его творчестве неразрывно связана с онтологической. Не случайно центральное понятие ранней бахтинской философии – «событие бытия» – будет означать и срез определенной эпохи, историко-культурной ситуации, и индивидуальное бытие, жизнь как деятельность, как цепь поступков, как «сплошное поступление». Событие бытия – это как бы место их встречи, точка пересечения: точка, из которой может быть осмыслено как индивидуальное бытие, так и бытие» [11, с. 51–52].

Уже в самой ранней своей заметке «Искусство и ответственность», написанной в 1919 г., Бахтин отмечает, что личность несет в себе науку, искусство и жизнь. Причем они переплавляются в нечто целое только в том случае, согласно Бахтину, если личность несет чувство ответственности и вины за все происходящее в мире. Он пишет: «За то, что я пережил и понял в искусстве, я должен отвечать своей жизнью, чтобы все пережитое и понятое не осталось бездейственным в ней. Но с ответственностью связана и вина. Не только понести взаимную ответственность должны жизнь и искусство, но и вину друг за друга» [4, с. 7]. Основная мысль Бахтина здесь заключается в том, чтобы преодолеть разрыв между искусством и жизнью, а также разрыв между миром культуры и миром жизни. Это возможно, по Бахтину, на основе иного отношения личности к миру, требующего осознания состояния мира и положения в нем человека. «Личность должна стать сплошь ответственной...», – пишет он.

Эти мысли русского философа созвучны тому, что разрабатывалось в западной философии конца XIX – начала XX века: к этому времени существовали разработки по методологии гуманитарного познания В. Дильтея, уже написан ряд основных произведений Э. Гуссерля, изданы многие работы М. Шелера, появились первые труды К. Ясперса и т. д. Но, как уже говорилось выше, более всего Бахтин опирался

на идеи Г. Когена. Н.К. Бонецкая пишет: «Русские литературоведы, «открывшие» Бахтина и общавшиеся с ним в последние годы его жизни, свидетельствуют о том, что сам Бахтин признавал основополагающими для своего философского становления идеи Германа Когена» [13, с. 83]. При этом Бахтин разрабатывал свои проблемы оригинально, через призму литературы, искусства и эстетики, а также посредством идеи диалога.

Согласно Н.К. Бонецкой, сущность концепции Бахтина изложена в таких его трудах, как «К философии поступка» (1920–1924), «Автор и герой в эстетической деятельности» (работа создавалась в первой половине или середине 20-х гг. и не была завершена), «Проблемы творчества Достоевского» (1929) и «Творчество Франсуа Рабле и народная культура средневековья и Ренессанса» (написана в 30-х гг., опубликована в 1965 г.).

Одним из ключевых положений философии Бахтина является фраза: «Быть – значит общаться диалогически» [3, с. 160]. Эта исходная установка раскрывается Бахтиным через категории «я-для-себя», «другой-для-меня» и «я-для-другого». «Бахтинская философия, – пишет Бонецкая, – ...есть первая и единственная на русской почве развитая философия диалога. И идею диалога на протяжении своей творческой жизни Бахтин проводит по всем ее логическим ступеням» [13, с. 84].

Сохранилась рукопись незаконченной философской работы Бахтина, которую он писал примерно в 1920–1924 гг. [2, с. 81]. Опубликована она была в 1986 году и издатель назвал ее «К философии поступка» [см. 2]. С.Г. Бочаров отмечает, что в рукописи Бахтина имеется обширный философский замысел: «Речь идет о более общих вопросах, лежащих на границе эстетики и нравственной философии; речь идет о том, что М. Бахтин называет миром человеческого действия, «миром события», «миром поступка». Ведущая этическая категория в этой работе – «ответственность»; своеобразная ее конкретизация – вводимый здесь М. Бахтиным образ-понятие «не-алиби в бытии»: человек не имеет нравственного права на «алиби», на уклонение от той единственной ответственности, какой является реализация его единственного неповторимого «места» в бытии, от неповторимого «поступка», каким должна явиться вся его жизнь...» [2, с. 80].

Перед Бахтиным стояла задача осмысления отсутствия взаимодействия и взаимопроникно-

вения двух миров – мира культуры и мира жизни. Ученому необходимо было показать, что единство этих двух миров непременно должно иметь место в силу того, что человек обретает себя в обоих мирах одновременно. Отталкиваясь от мира жизни, личность входит многократно в мир культуры и формируется в нем. Бахтин пишет: «Акт нашей деятельности, нашего переживания, как двуликий Янус, глядит в разные стороны: в объективное единство культурной области и в неповторимую единственность переживаемой жизни, но нет единого и единственного плана, где оба лика взаимно себя определяли бы по отношению к одному-единственному единству. Этим единственным единством и может быть только единственное событие свершаемого бытия, все теоретическое и эстетическое должно быть определено как момент его... Акт должен обрести единый план, чтобы рефлексировать себя в обе стороны: в своем смысле и в своем бытии, обрести единство двусторонней ответственности и за свое содержание (специальная ответственность) и за свое бытие (нравственная), причем специальная ответственность должна быть приобщенным моментом единой и единственной нравственной ответственности. Только таким путем могла бы быть преодолена дурная неслиянность и невзаимопроникновенность культуры и жизни» [2, с. 83].

О «событии бытия» Бахтин пишет следующее: «Мир как содержание научного мышления есть своеобразный мир, автономный, но не отъединенный, а через ответственное сознание в действительном акте-поступке включаемый в единое и единственное событие бытия. Но это единственное бытие-событие уже не мыслится, а *есть*, действительно и безусловно совершается через меня и других, между прочим, и в акте моего поступка-познания, оно переживается, утверждается эмоционально-волевым образом, и в этом целостном переживании-утверждении познание есть лишь момент. Единственную единственность нельзя помыслить, но лишь участно пережить. Весь теоретический разум только момент практического разума, т. е. разума нравственной ориентации единственного субъекта в событии единственного бытия, в категориях теоретического безучастного сознания это бытие неопределимо, но лишь в категориях действительно причащения, т. е. поступка, в категориях участно-действительного переживания конкретной единственности мира» [4, с. 20].

Согласно В.Л. Махлину, Бахтин имел целостную программу исследований, которую намеревался реализовать в целом ряде работ: «К философии поступка», «Автор и герой в эстетической деятельности», «Субъект нравственности и субъект права» и в первом несохранившемся варианте работы о Достоевском. «Прежде всего, – пишет В.Л. Махлин, – общий предмет задуманного исследования – «этот мир» – тематизируется и проблематизируется не как объект и не как субъект, а как сфера интенционально-предметных *переживаний и поступков* во всех сферах жизни и творчества, от эстетики до политики» [24, с. 40].

Н.К. Боневская показывает логику мысли Бахтина: в работе «К философии поступка» у него речь идет об ответственном *деянии*, которое и представляет собой бытие. При этом нельзя говорить, что бытие существует до и вне личности, поэтому вместе с деянием у Бахтина появляется *личность*; в работе «Автор и герой в эстетической деятельности» Бахтин разрабатывает феноменологию «я». «Я» предполагает существование «ты», то есть вслед за «я» Бахтин вводит «другого», что означает начало *диалога*. «Начинаясь на поверхностных – телесном и душевном – уровнях личностного бытия, диалог в системе Бахтина доходит до его духовных недр: в общение, по Бахтину, вовлечено вечное начало в человеке, существование которого мыслитель признает, более того, считает его верховной ценностью, но не трансцендирует за пределы общечеловеческого опыта. Описанию духовного, самого полноценного, равноправного диалога посвящена книга о Достоевском: по Бахтину, специфика поэтики Достоевского – изображение *человеческого духа* (тогда как до Достоевского умели изображать только душу и тело)» [13, с. 84].

Бахтин считает, что другого средства раскрыть человека во всей его внутренней сложности, кроме диалога, нет. Невозможно раскрыть глубину человека ни научным анализом с применением абстрактных категорий, ни путем вчувствования и растворения в нем. «Нет, – пишет Бахтин, – к нему можно подойти и его можно раскрыть – точнее, заставить его самого раскрыться – лишь путем общения с ним, диалогически» [3, с. 160].

Н.К. Боневская отмечает, что в работах «К философии поступка» и «Автор и герой в эстетической деятельности» Бахтин разрабатывает феноменологию «я», в труде о Достоевском дает

картину диалога «я» и «ты» и, наконец, в работе о Рабле представлена ситуация подчинения «я» другому. Тем самым у него создается целостная картина философии диалога. Проблему *чужой индивидуальности*, разрабатываемую Бахтиным как ключевую проблему, согласно Н.К. Боневской, ввел в русскую философию А.И. Введенский (1856–1925), учеником которого был Бахтин [13, с. 88].

По мнению американского исследователя творчества Бахтина М. Холквиста, диалогизм русского мыслителя стал сенсацией, переворотом, «открытым событием» в 20-х годах. Концепция Бахтина не является обычной философией в понимании Холквиста, так как он полагает, что бахтинский диалогизм – это новая «оптика мышления»: для гуманитарных наук это то же, что представляет собой теория относительности А. Эйнштейна в физике как основа новой (неклассической) картины мира [21, с. 105]. В.Л. Махлин отмечает, что с середины 20-х годов Бахтин спроецировал, перевел основные идеи своих ранних работ (уже называвшихся выше), а также не сохранившегося первого варианта книги о Достоевском и не сохранившейся работы «Субъект нравственности и субъект права» с философско-религиозного языка на светские теоретические практики – литературоведение, философию языка, теорию романа и т. д. [21, с. 105].

Бахтин хорошо знал ситуацию, сложившуюся в западной философии и эстетике в первой четверти XX века. В работе «Автор и герой в эстетической деятельности» он выступил против «экспрессивной теории», то есть против эстетики, основанной на психологических теориях вчувствования и симпатии. По мнению Бахтина, эти теории ничего не дают для понимания человека, героя и произведения искусства, так как обедняют материал произведения, сводят несколько сознаний к одному. Он пишет: «Эти обедняющие теории, кладущие в основу культурного творчества отказ от своего единственного места, от своей противопоставленности другим, *приобщение к единому сознанию*, солидарность или даже слияние, – все эти теории, и прежде всего экспрессивная теория в эстетике, объясняются гносеологием всей философской культуры XIX и XX веков...» [7, с. 84]. Диагноз Бахтина абсолютно точен, так как европейская философия опирается в этот период на гносеологические идеи классической философии, которая разделила субъекта

и объекта познания и сам познавательный процесс трактовала весьма абстрактно, сводя субъекта к абстрактному мышлению. «Очевидно, что Бахтин не признает теоретизм, господствующий со времен Декарта, как единственно правомерную и универсальную традицию» [25]. И Бахтин очень точно и даже красиво возражает такой практике следующими рассуждениями: «Гносеологическое сознание, сознание науки, – единое и единственное сознание (точнее, одно); все, с чем имеет дело это сознание, должно быть определено им самим, всякая определенность должна быть его активной определенностью: всякое определение объекта должно быть определением сознания. В этом смысле гносеологическое сознание не может иметь вне себя другого сознания, не может вступить в отношение к другому сознанию, автономному и неслиянному с ним. Всякое единство есть его единство, оно не может допустить рядом с собой иного, независимого от него единства (единства природы, единства другого сознания), суверенного единства, противостоящего ему со своею, им не определенной судьбою. Это единое сознание творит, формирует свой предмет лишь как объект, но не как субъект, и субъект для него является лишь объектом. Понимается, познается субъект лишь как объект – только оценка может сделать его субъектом, носителем своей самозаконной жизни, переживающим свою судьбу. Между тем эстетическое сознание, сознание любящее и полагающее ценность, есть сознание сознания, сознание автора *я* сознания героя-*другого*; в эстетическом событии мы имеем встречу двух сознаний, принципиально неслиянных, причем сознание автора относится к сознанию героя не с точки зрения его предметного состава, предметной объективной значимости, а с точки зрения его жизненного субъективного единства...» [7, с. 85]. В этих мыслях русского философа, высказанных в ранний период творчества, заложены в свернутом виде те пласты проблем гуманитарного познания, которые он разовьет в поздний период. Бахтин, рассматривая проблему познания, когнитивное отношение дополняет ценностным и тем самым подготавливает рождение новой эпистемологии XX века. Отношение «субъект-объект», изучаемое традиционной философией, он дополняет отношением «субъект-субъект», «я» и «другой».

Особенно интересно и убедительно проблема диалога рассматривается М.М. Бахтиным на материале творчества Ф.М. Достоевского

[см. 3; 18]. Бахтин полагает, что диалог у русского писателя находится в центре создаваемого им художественного мира: «притом диалог не как средство, а как самоцель. Диалог здесь не преддверие к действию, а само действие» [3, с. 160]. В диалоге человек не только проявляет себя вовне, главное, он впервые становится тем, что он есть и для других и для себя самого. «Один голос ничего не кончает и ничего не разрешает. Два голоса – *minimum* жизни, *minimum* бытия» [3, с. 161], – пишет Бахтин. «Быть – значит общаться диалогически. Когда диалог кончается – все кончается. Поэтому диалог в сущности не может и не должен кончиться. В плане своего религиозно-утопического мировоззрения Достоевский переносит диалог в вечность, мысля ее как вечное со-радование, со-любование, со-гласие. В плане романа это дано как незавершимость диалога, а первоначально – как дурная бесконечность его» [3, с. 160].

Чтобы был диалог, нужно чтобы человек противостоял человеку, «я» противостоял «другому». «Другим» может быть и реальный человек, и человек как таковой, абстрактный, лишенный всякой социальной и жизненно-прагматической конкретизации. Это характерно и для открытых (внешних), и для внутренних диалогов героев Достоевского. Лишая их семейных, сословных, классовых, жизненно-фабулических характеристик, писатель, по мнению Бахтина, создает особые ситуации. «Человек как бы непосредственно ощущает себя в мире как целом, без всяких промежуточных инстанций, помимо всякого социального коллектива, к которому он принадлежал бы. И общение этого «я» с другим и с другими происходит прямо на почве последних вопросов...» [3, с. 178]. Проблемы смысла жизни, бессмертия человеческой души, добра и зла – вот что волнует героев романов Достоевского, по воле автора утративших все внутренние и внешние определения, свои реальные тела и сохранивших лишь свой голос. Звучание многих и разных голосов, наполненных своими идеями, мыслями, словами – это и есть диалог, не допускающий никакого синтеза, никакого подведения под одну идею. Вот почему диалоги Достоевского, по мнению Бахтина, не диалектичны и их надо отличать от диалогов Платона, в которых многие голоса как бы погашаются в идее. В романах Достоевского идея не отрешается от голоса героя, и диалог поэтому не приводит к диалектическому синтезу подлин-

ной идеи. Ведущие диалог спорят между собою, иногда соглашаются, иногда тот или другой голос может победить, но никогда не сливаются в монологический вывод. Взаимодействие голосов – вот что важно, вот что является последней данностью для Достоевского, поскольку такое взаимодействие приводит к раскрытию внутреннего богатства каждой личности. Этим, согласно Бахтину, *полифонические* романы Достоевского отличаются от *монологической* литературы Запада. Бахтин пишет: «Достоевский, говоря парадоксально, мыслит не мыслями, а точками зрения, сознаниями, голосами. Каждую мысль он стремился воспринять и сформулировать так, чтобы в ней выразился и зазвучал весь человек, тем самым в свернутом виде все его мировоззрение от альфы до омеги. Только такую мысль, сжимающую в себе цельную духовную установку, Достоевский делал элементом своего художественного мировоззрения; она была для него неделимой единицей; из таких единиц слагалась уже не предметно объединенная система, а конкретное событие организованных человеческих установок и голосов. Две мысли у Достоевского – уже два человека, ибо ничьих мыслей нет, а каждая мысль представляет всего человека» [3, с. 300–301].

Кроме того, такая установка – необходимое условие признания права каждого человека на душевную жизнь, на осознание каждым своей активной причастности бытию со «своего единственного места в бытии». Признание за другим всех тех экзистенциальных прав и свобод, которыми владею я сам – принципиальная позиция самого Бахтина. Это справедливо делает его творчество очень актуальным и в третьем тысячелетии.

В заметках «К методологии гуманитарных наук», которые посвящены специфике гуманитарного познания, составленных Бахтиным в 1974 году, он рассматривает в конспективном ключе множество из проблем, анализировавшихся им в более ранних работах. Он здесь оставил философский свод своих представлений о гуманитарном познании. Согласно Бахтину, окружающий человека мир – это мир ценностей, идей, слов, смыслов, которые существуют до человека. С его появлением происходит встреча личности и мира. Личность («Я») привносит в мир свое творческое начало через ответственный поступок, через свое слово в культуре. Человек входит в мир и реализует свою уникальность через свое переживание, свое мнение, свое миропонимание,

свой взгляд на мир, свою интонацию и т. д. Бахтин считает, что процесс становления личности начинается с приобщения к культуре. Социализация личности, развитие ее творческих способностей происходит в процессе освоения языков культуры: мифологии, религии, искусства, философии, науки. Осваивая языки культуры, человек вступает в диалог с миром, обществом, другим человеком. Появляется свое слово, которое «...оказывается признанным чужим. Поступок проявляется при этом в особой установке сознания по отношению к чужому слову: установке, согласно которой чужое слово признается, принимается и становится как бы своим» [11, с. 54–55], – пишет Е.А. Богатырева. Это действительно так. Человек всегда сначала у кого-то учится, принимает идеи учителя, наставника, священника, пророка как свои. Затем человек идет дальше, он осознает, что свое слово оказывается чужим. В этом заключается первый индивидуальный творческий импульс.

М.М. Бахтин пишет о присвоении чужого слова и забвении авторов как о естественном процессе приобщения человека к культуре: «Процесс постепенного забвения авторов – носителей чужих слов. Чужие слова становятся анонимными, присваиваются (в переработанном виде, конечно); сознание *монологизируется*. Забываются и первоначальные диалогические отношения к чужим словам: они как бы впитываются, вбираются в освоенные чужие слова (проходя через стадию «своих-чужих слов»). Творческое сознание, монологизируясь, пополняется анонимными. Этот процесс монологизации очень важен. Затем монологизированное сознание как одно и единое целое вступает в новый диалог (уже с новыми внешними чужими голосами). Монологизированное творческое сознание часто объединяет и персонифицирует чужие слова, ставшие анонимными чужие голоса в особые символы: «голос самой жизни», «голос природы», «голос бога» и т. п.» [7, с. 386].

За осознанием принятого чужого слова следует еще два этапа самореализации личности [11, с. 56]. Первый этап – это необходимость преодоления чужого авторского слова и солидаризация со словом «внутренне убедительным», то есть ориентация на рациональные основания знания, на здравый смысл. Весьма похожую мысль высказывает и А. Бергсон. Он считает, что одной из главных преград на пути к свободе духа являются идеи, которые мы черпаем из языка в готовом виде. «Поэтому, – пи-

шет Бергсон, – в классическом образовании я вижу прежде всего попытку разбивать лед слов и обнаруживать под ним свободное течение мысли» [10, с. 166].

Второй этап – это преодоление теперь уже внутренне убедительного слова, что необходимо в силу того, что оно остается все-таки словом чужим. Человек же движется к своему слову, которое возникает тогда, когда он наделяет известные, прошлые, уже «захваченные» слова и идеи своей интенцией, то есть придает им персонифицированное, личностное начало, придает им свой смысл. Это говорит о том, что каждый человек использует язык по-своему, творчески. Причем слово для каждого человека является исходной ценностью, первоклеточкой культуры. В Библии мы читаем: «В начале было Слово, и Слово было у Бога, и Слово было Бог». Здесь имеется в виду божественная первооснова мира, божественный смысл мира. Религия трактует смысл жизни как восхождение к божественной истине и в этом есть глубочайший смысл. Но даже если не затрагивать этот трансцендентный уровень постижения бытия, то реальность такова, что каждый человек приобщается прежде всего к языку и к смыслам, которые заложены в языке. Именно поэтому М.М. Бахтин говорит, что язык – это «почти все в человеческой жизни». Постигая язык, человек постигает весь мир. Здесь мыслитель продолжает классическую традицию, идущую от В. Гумбольдта, согласно которой язык – это миропонимание, это специфический для данной культуры способ осмысления, оформления мира.

По поводу роли слова в жизни человека замечательно высказывался известный педагог В.А. Сухомлинский. Он полагает, что у дошколят и у младших школьников идет интенсивное формирование чувственного мира. И он считает, что основные усилия педагогов в этом случае состоят в правильном развитии чувственности детей, формировании, насколько позволяет детская психика этого возраста, правильного понимания красивого и безобразного, доброго и злого. Интеллект ребенка еще не сформировался, высокие абстракции ему еще не под силу, но через свой чувственный мир он может усвоить информацию огромной ценности о мире, обществе, человеке, культуре. Каким образом? Через общение с природой, через сказку, через историю религии, через родную литературу.

Детский ум не всегда может осмыслить сложные вопросы на вербальном уровне, но он «впитывает» в себя духовные ценности общества, психологию народа, его традиции, многовековой опыт, моральную и эстетическую культуру [см. 28].

Сухомлинский советует разобраться в индивидуальных наклонностях и способностях детей. Прежде всего определить к какому типу мышления принадлежит ребенок – логико-аналитическому (математическому, дискурсивному) или художественному (образному) [28, с. 193–194]. Он призывает развивать чувственность детей: «Я советую учителю, которому предстоит работа с I класса: в течении года проведите двадцать–тридцать путешествий к истокам мысли – в природу. Введите детей в обстановку, где есть и яркие образы, и причинно-следственные связи между явлениями, где дети восхищаются, переживают чувство изумления перед красотой и в то же время думают, анализируют» [28, с. 195]. «Я стремился к тому, – пишет Сухомлинский, – чтобы прежде чем открыть книгу, прочитав по слогам первое слово, ребята прочитали страницы самой чудесной в мире книге – книги природы» [28, с. 98]. Уроки на природе Сухомлинский называл «путешествиями к источнику живой мысли» [28, с. 94].

Дети чувствуют, понимают красоту и благоухание природы, но еще не владеют в достаточной степени словом. Культура человечества зашифрована в текстах. Уметь читать их и понимать – значит уметь читать человеческую культуру, уметь выражать свои мысли и переживания, уметь пользоваться словом. Каждому человеку необходимо чувство слова. Сухомлинский пишет: «...в чувстве слова, в стремлении передать словом самые тонкие движения человеческой души – один из важных источников подлинной человеческой культуры» [28, с. 94]. Далее этот известный теоретик отечественной педагогики формулирует очень важную мысль: «...постепенно рождалась истина: *каждый учитель независимо от того, какой предмет он преподает, должен быть словесником*» (выделено нами – Т.П.) [28, с. 94].

В.А. Сухомлинский абсолютно прав в своем выводе, потому что педагогическая деятельность по своей природе есть гуманитарная деятельность по переводению учащихся из мира повседневности в мир культуры. Изучаемый предмет, в данном случае, является особым языком культуры. Поэтому значительной разни-

цы между учителями–естественниками и учителями–гуманитариями в этом вопросе нет с формальной точки зрения. Однако в содержательном плане гуманитарное знание имеет глубокую специфику как по предмету познания, так и по методам исследования. Исследование человека, культуры, духовных реалий в гуманитарных науках имеет значительные особенности.

М.М. Бахтин мог бы, как нам кажется, разделить это мнение, считая, что «гуманитарные науки – науки о человеке в его специфике, а не о безгласной вещи и естественном явлении. Человек в его человеческой специфике всегда выражает себя (говорит), то есть создает текст (хотя бы и потенциальный). Там, где человек изучается вне текста и независимо от него, это уже не гуманитарные науки (анатомия и физиология человека и др.)» [7, с. 301.]. Дух может быть дан только в знаковом выражении, реализуется в текстах и для себя самого и для другого. Потенциальным текстом является, по мнению русского философа, и человеческий поступок.

М.М. Бахтин специально занимался разработкой философских основ гуманитарных наук. Он отмечал близость, родственность философского и гуманитарного знания, находя ее в обращенности к индивидуальности того и другого вида знания. В статье «К методологии гуманитарных наук» он писал: «Диалектика родилась из диалога, чтобы снова вернуться к диалогу на высшем уровне (диалогу *личностей*)» [7, с. 384].

Мыслитель обращается к герменевтике, во многом предвосхищая то, что станет позднее главным в исследованиях западных философов – М. Хайдеггера, Х.-Г. Гадамера, П. Рикера и других. Гуманитарное знание неотрывно от герменевтики как искусства истолкования текстов, как искусства постижения чужой индивидуальности. И здесь опять принципиально важное значение имеет признание Бахтиным диалогического характера человеческого бытия. Гуманитарное познание не может не быть диалогичным. Диалогична активность познающего субъекта, который находится в диалогических отношениях со своим объектом, на равных с ним выступает в бесконечно меняющемся бытии. В силу этого достичь понимания своего объекта исследователь может только в многократно осуществляю-

щемся акте диалогического проникновения в его смысл, причем последний не задан в своей завершенности, а творится именно в актах отношения «субъекта» и «объекта».

Диалогично движение понимания, которое, в свою очередь, основывается на диалогическом контакте между текстами и на сложном взаимоотношении текста и контекста. При этом смыслы в новых контекстах постоянно обновляются, и это привело М.М. Бахтина к различению малого времени и большого времени, трактуемого как бесконечный и незавершенный диалог.

Обозревая вклад Бахтина в развитие методологии гуманитарного познания, Н.К. Бонецкая пишет: «Очевидно, что бахтинская «методология гуманитарных наук» принадлежит тому руслу европейской философии, которое имеет свой исток в идее «наук о духе» В. Дильтея, вбирает в себя достижения «речевого мышления» диалогистов и экзистенциализма Хайдеггера. Эту линию в философии подытожил и осмыслил Х.-Г. Гадамер, обозначив ее именем герменевтики. Бахтина, автора фрагментов 60-70-х годов, можно было бы назвать русским герменевтиком» [12, с. 111]. Оценивая ответ Бахтина на кризис культуры, возникший в начале XX века и который он назвал «абсурдом современного дионисийства», В.Л. Махлин отмечает: «Ответом Бахтина стала положительная и амбивалентная «карнавализация» и теоретизма, и монологизма классического типа, т. е. обновление, возрождение идеи *единства мира и единства истины* в той движущейся непрерывности мирового времени истории культуры, которая у раннего Бахтина... связана с понятием «событие бытия», а у позднего называется «большим временем». Там, где «герои-идеологи» XX в. – все равно, наши формалисты или ранний М. Хайдеггер – деконструировали традиционную культуру мышления, ...русский мыслитель сумел с самого начала вступить в продуктивный диалог с классической традицией, освободив его из «плена времени» [21, с. 111].

Когда знакомишься с работами М.М. Бахтина, поражает масштаб личности нашего соотечественника, а также всеохватность и глубина его мысли. Очень жаль, что жизнь Бахтина протекала в атмосфере равнодушия, а нередко враждебности и жестокости по отношению к нему. Что происходит с нашим нравственным сознанием в XX веке? Сможем ли быть справедливыми и честными впредь?

16.05.2012

Список литературы:

1. Александрова, Р.И. Этическое и эстетическое в творчестве М.М. Бахтина / Р.И. Александрова // Вопросы философии. – 1994. – №12.
2. Бахтин, М.М. К философии поступка / М.М. Бахтин // Философия и социология науки и техники. Ежегодник. 1984–1985. – М.: Наука, 1986.
3. Бахтин, М.М. Проблемы творчества Достоевского / М.М. Бахтин. – 5-е изд. – Киев: NEXТ, 1994. – 509 с.
4. Бахтин, М.М. Работы 1920-х годов / М.М. Бахтин. – Киев: NEXТ, 1994. – 384 с.
5. Бахтин, М.М. Собрание сочинений. Т. 3. Теория романа (1930–1961 гг.) / Институт мировой литературы им. А.М. Горького РАН. – М.: Языки славянских культур, 2012. – 880 с. – ISBN 978-5-9551-0500-0.
6. Бахтин, М.М. Творчество Франсуа Рабле и народная культура средневековья и Ренессанса / М.М. Бахтин. – М.: Художественная литература, 1965.
7. Бахтин, М.М. Эстетика словесного творчества / М.М. Бахтин. – М.: Искусство, 1986. – 445 с.
8. М.М. Бахтин: pro et contra. Личность и творчество М.М. Бахтина в оценке русской и мировой гуманитарной мысли. Т. I. / Составление К.Г. Исупова. – СПб.: РХГИ, 2001. – 552 с.
9. М.М. Бахтин: pro et contra. Творчество и наследие М.М. Бахтина в контексте мировой культуры. Т. II. / Составление К.Г. Исупова. – СПб.: РХГИ, 2002. – 712 с.
10. Бергсон, А. Здравый смысл и классическое образование // Вопросы философии. – 1990. – №1.
11. Богатырева, Е.А. М.М. Бахтин: этическая онтология и философия языка / Е.А. Богатырева // Вопросы философии. – 1993. – №1. – С. 51–58.
12. Бонецкая, Н.К. Жизнь и философская идея Михаила Бахтина / Н.К. Бонецкая // Вопросы философии. – 1996. – №10. – С. 94–112.
13. Бонецкая, Н.К. М.М. Бахтин и традиции русской философии / Н.К. Бонецкая // Вопросы философии. – 1993. – №1. – С. 83–93.
14. Булавка, Л.А. Бахтин: диалектика диалога versus метафизика постмодернизма / Л.А. Булавка, А.В. Бузгалин // Вопросы философии. – 2000. – №1. – С. 119–131.
15. Волкова, Е.В. Тона и обертоны серьезного в философии М. Бахтина / Е.В. Волкова, С.З. Оруджева // Вопросы философии. – 2000. – №1. – С. 102–118.
16. Гогтишвили, Л.А. Варианты и инварианты М.М. Бахтина / Л.А. Гогтишвили // Вопросы философии. – 1992. – №1. – С. 115–134.
17. Лаптун, В.И. М.М. Бахтин в Саранске: 1936–1937 гг. / В.И. Лаптун // М.М. Бахтин: черты универсализма. Материалы, исследования, переводы. К столетию со дня рождения М.М. Бахтина (Проблемы бахтинологии. Вып. III) / Ред. К.Г. Исупов; ответ. за выпуск М.В. Бахтин. – СПб. – М.: Институт деловых коммуникаций, 2011. – С. 24–36.
18. Легова, Е.С. Диалог в творчестве Ф.М. Достоевского как проблема философии М.М. Бахтина / Е.С. Легова // Вопросы философии. – 2005. – №10. – С. 140–150.
19. М.М. Бахтин и философская культура XX в. (Проблемы бахтинологии). – СПб., 1991.
20. М.М. Бахтин как философ / С.С. Аверинцев, Ю.Н. Давыдов, В.Н. Турбин и др. – М.: Наука, 1992. – 256 с.
21. Махлин, В.Л. Бахтин и Запад (начало) / В.Л. Махлин // Вопросы философии. – 1993. – №1. – С. 94–114.
22. Махлин, В.Л. Бахтин и Запад (окончание) / В.Л. Махлин // Вопросы философии. – 1993. – №3. – С. 134–150.
23. Махлин, В.Л. Невельская школа. Круг Бахтина // М.М. Бахтин: pro et contra. Личность и творчество М.М. Бахтина в оценке русской и мировой гуманитарной мысли. Т. I. / Составление К.Г. Исупова. – СПб.: РХГИ, 2001. – С. 122–135.
24. Махлин, В.Л. По направлению к Бахтину // М.М. Бахтин: черты универсализма. Материалы, исследования, переводы. К столетию со дня рождения М.М. Бахтина (Проблемы бахтинологии. Вып. III) / Ред. К.Г. Исупов; ответ. за выпуск М.В. Бахтин. – СПб. – М.: Институт деловых коммуникаций, 2011. – С. 37–64.
25. Микешина, Л.А. Значение идей Бахтина для современной эпистемологии / Л.А. Микешина // Философия науки. Вып. 5. Философия науки в поисках новых путей. – М.: ИФ РАН, 1999.
26. Петров-Стромский, В. Идеи М.М. Бахтина в гуманитарной парадигме культуры / В. Петров-Стромский // Вопросы философии. – 2006. – №12. – С. 82–94.
27. Разговоры с Бахтиным. Семья и годы учения // Человек. – 1993. – №4. – С. 141–154.
28. Сухомлинский, В.А. Об умственном воспитании / В.А. Сухомлинский. – Киев, 1983.

Сведения об авторе: **Писарчик Татьяна Петровна**, доцент истории философии
Оренбургского государственного университета, кандидат философских наук, доцент
460018, г. Оренбург, пр-т Победы, 13, ауд. 2309, тел. (3532) 372573, e-mail: leonidtp@yandex.ru

UDC 130.2:165.5

Pisarchik T.P.

Orenburg state university, e-mail: leonidtp@yandex.ru

METHODOLOGICAL DEVELOPMENT OF KNOWLEDGE AND THE PROBLEM OF HUMANITARIAN DIALOGUE CONCEPT OF M.M. BAKHTIN

In the article the features of the methodology and concepts of knowledge of humanitarian dialogue of M.M. Bakhtin are reviewed. The basis of his philosophy is the concept of “responsible action” that makes a person privy to everything that happens in life and culture. Another key issue of Bakhtin’s concept is the problem of an alien identity.

Key words: methodology, «an event of being», moral action, responsibility, the “other”, person, monologue, polyphony, dialogue and culture.